

Р2
М30
134117

Эмма Марченко

105

P2
M3

Эмма Марченко

134717

**МЛЕННЫЙ
ПУТЬ**

СТИХИ

**Центральная городская библиотека
им М. Ю. Лермонтова
Ленинского района г. Ярославль**

**ВЕРХНЕ-ВОЛЖСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЯРОСЛАВЛЬ 1968**

О Б А В Т О Р Е

Эмма Марченко приехала в Ярославль в 1959 году после окончания Московского историко-архивного института.

В 1964 году вышла первая книга ее стихов — «Влюбленность».

Стихи Эммы Марченко печатались в журналах «Москва», «Волга», в еженедельнике «Литературная Россия», в коллективных сборниках писателей Верхневолжья.

В книгу «Млечный путь» вошли стихи о Ярославском крае и его людях, о детстве, связанном с годами Великой Отечественной войны, а также стихи о Черном море и рыбаках — о Крыме, где прошло детство поэтессы.

В настоящее время Эмма Марченко учится заочно на 5-ом курсе Литературного института им. Горького.

*Евдокии Васильевне
Антроповой*

Я из провинции далекой,
Меня провинцией корят.
Я говорю спокойно,
окая, —
В Поречье все так говорят.

Пять километров ежедневно
Хожу и в ведро и в дожди.
Что за беда! Не королевна.
Платок крест-накрест на груди.

Не часто шью себе обновки,
Хоть с малых лет сама тружусь.
Среди чужих такой неловкой,
Такою замкнутой кажусь.

Но хлеб ржаной и хлеб пшеничный,
Что каждый день столица ест,
Он тоже родом не столичный,
Он из одних со мною мест.

БАБКА

Всё дела у бабки непочатые,
Разве ей управиться одной.
Я на танцы не пошла с девчатами —
К бабке собралась под выходной.

Говорит она сердитым голосом,
Ждет свою Буренку у ворот.
Я со лба отбрасываю волосы
И копаю бабкин огород.

От углей в печи у бабки зарево —
Докрасна тспиться молоку.
Я устала бабку уговаривать
Переехать в город за реку.

С перемснами она не мирится,
А без внучки жить не по годам.
«Разве что Буренушку, кормилицу, —
Говорит, — по осени продам».

Если правда, что на расстоянье
Мысль передается иногда,
Ты заснуть не будешь в состоянье,
Сколько б ни прикладывал труда.

Ты протянешь к книжной полке руку
И вздохнешь тревожно: нет, не то...
И начнешь звонить зачем-то другу,
И накинешь на плечи пальто.

Будет сердца стук, как гул набата.
Тень твоя метнется на стене...
Ты пойдешь по спящему Арбату,
Как по заколдованной стране.

Под холодным взглядом манекенов,
Под огнем изменчивых реклам...
Словно встречи ожидая с кем-то,
Будешь ты смотреть по сторонам.

Но пока ты глаз моих не вспомнишь,
Голоса не вспомнишь моего,
Не зови ты никого на помощь,
Не придет она ни от кого.

Тонкий месяц выплывет к зениту,
Промелькнет такси и — тишина...
Словно стрелка компаса к магниту,
Мысль моя к тебе устремлена.

ДЕТСТВО

Такой ли Феодосия была?
Воспоминанья детства так не точны!
А может быть, об этом я прочла
И все придумал
Сказочник восточный?
Но был же,
Был же старый абрикос,
Касались ветки черепичной крыши...
Он во дворе у нас когда-то рос,
И от плодов он становился рыжим.
И ослик был. Он на зиму возил
Нам антрацит.
Взбиралась я на козлы.
И горы были за двором, вблизи,
И крапинки на их вершинах — козы.
По вечерам спускались с гор стада,
В порту огни таинственно мерцали,
Дома на главной улице тогда
Казались двухэтажными дворцами.
Кончался город берегом морским.
Я не могла на волны наглядеться...
Все изменилось, стало все другим,
Одно лишь море
Синее — как в детстве!

ГЛУБИННЫЙ ЛОВ

Фелюга встала кормою к ветру,
Слетают брызги с крутой волны.
Тяжелых камбал подняли кверху
Из тьмы зеленой, из глубины.

Горячий воздух хватая жадно,
Раскрыли рыбы большие рты.
На ярко-красных махровых жабрах
Еще осталось чуть-чуть воды.

Рыбачат парни, а их качает.
И отражаются в их глазах
Качанье снасти, качанье чаек,
Воды играющей бирюза.

Ударит ветер, волна умоет.
Кивают парни: берись дружней!
Корма, качаясь, кренится к морю,
А может, море кренится к ней.

ПРОПУСК В МОРЕ

Дай мне пропуск в море, пограничник!
Вместе с рыбаками пропусти.
За меня ответственности личной
Не придется никому нести.

Не пугай меня морской болезнью,
Качкою напрасно не страши.
Я ведь лучше знаю, что полезней,
Что пужнее для моей души.

Ты пойми, я выросла на юге,
Мне в разлуке чудятся всегда
Легкие рыбацкие фелюги,
Выгнутая синяя вода.

Я мечтала в детстве стать рыбацкой,
Я встречала на молу восход.
Не пугай меня морскою качкой,
Мне как раз ее недостает.

Вот зеленою краской забор подновил..
Вот смородины куст посадил в палисаде..
Старый грузчик портовый, он все норовил
Что-то вырастить, выкрасить, что-то приладить.

Но однажды гудел репродуктор в углу,
А хозяин на стул опустился без силы..
Умер в праздник, гостей поджидая к столу,
Видно, времени в будничный день не хватило.

Быть словно море. С облачком любим,
Закрывшим солнце, изменяться в цвете.
И голубеть под небом голубым,
И бушевать, когда бушует ветер.

Пусть утром штиль, а вечером прибой —
Перерождаться каждый миг и все же,
Все отражая, быть ни с чем не схожей,
Быть, словно море, лишь самой собой.

КРАБ

Поймали краба водолазы
На дне морском, где меркнет свет.
Он, желтобрюхий, пучеглазый,
Жил под камнями много лет.

Ему спина — лиловый панцирь —
Служила прочною броней.
Как угрожал он нашим пальцам
Своей тяжелою клешней!

Он был по-своему красавец.
Мы, чудо-пленником гордясь,
Решили море предоставить
Ему, зачерпнутое в таз.

Краб жил в тазу, ел мясо чинно.
Мы так заботились о нем!
Но яркий панцирь, дар пучины,
Тускнел у краба с каждым днем.

Краб словно не был рад, что выжил.
Хоть тронь — спокоен все равно:
Клешни уперлись неподвижно
В эмалированное дно.

Пожелтевшие травы, куда ни взгляни,
Да седая полынь над буграми.
За отарами следом идут чабаны
По степи, опаленной ветрами.

Впереди только небо со степью впритык...
Овцы в кучу сбиваются — жарко.
И свисает беспомощно мокрый язык
Из разинутой пасти овчарки.

Степь живет, задыхаясь в полуденный час,
Вся в колючках и сусличьих норах.
И, надвинув лохматые шапки до глаз,
Чабаны собираются в город...

Уходили иные и прятали взгляд,
Но потом возвращались: привычка.
И широкая степь принимала назад
Несговорчивых тех, горемычных.

Были зноем кусты и трава сожжены
Под высоким безоблачным небом.
Далеко от шоссейных дорог

чабаны

Снова шли за отарами следом.

■

Я прятала портфель под камень
И прибегала налегке.
Вернулась лодка с рыбаками,
Сушились сети на песке.

Еще корма блестела влажно
В кольце ребяческих голов,
А рыбаки ходили важно
И на весы несли улов.

Они вставали в рань любую,
Не разговаривали зря.
И розовела барабуля
У них в корзинах, как заря.

А мне земля казалась тесной:
Спускался с гор петлистый путь.
Мне было очень интересно
В рыбачью лодку заглянуть.

И отпугнуть крикливых чаек,
Нырять в море на бегу...
Наш дом, как будто на причале,
Стоял на самом берегу.

РЫЖИЙ ВОР

Замер дед, схоронясь за ограду.
В лунном свете качнулась лоза.
Так и есть: под кустом винограда
Топкой мордочкой водит лиса.

Что ни полночь, у сторожа кража.
Но тоскует по зверю заряд...
Зря, что ль бабы, за кустиком каждым,
Как за малым ребенком, глядят.

Каждый куст их руками подвязан,
Зреют гроздья у самой норы.
Дед пальнул из ружья и... промазал.
Только эхо скатилось с горы.

Словно не было рыжего вора,
На кустах от луны полоса...
Как тут бабы уймешь разговоры,
Что мерещится деду лиса!

■

Лишь пожелай — и мы с тобой уедем.
Не дай сомнению завладеть душой!
Верь, эти дни потом взойдут созвездьем,
Созвездием Медведицы Большой.

И если в чем-то не поймут нас люди,
Усталые от вечной суеты,
Поверь мне, степи нас не обессудят,
Нам рады будут травы и цветы.

Чтоб наши чувства на просторе крепили,
Чтоб не было волнению конца,
Нам так с тобой необходимы степи —
Луна в полнеба, запах чабреца.

СТРЕКОЗА

Людмиле Копыловой

Я восприпяла ее, как чудо,
Стрекозу живую на стене.
Мне спросить хотелось: «Ты откуда
Прилетела в комнату ко мне?»

За окном моим не пахнет сеном
И река не прячется в кустах,
Ты неслышно на обои села,
Тонешь в нарисованных цветах.

И боишься, как бы не закрыли
Навсегда окошко за тобой.
Ломкие, трепещущие крылья
Испускают ответ голубой.

Ты подарок знойного июня,
Знай, тебе опасность не грозит!
Я тебе признательна, летунья,
За бесцеремонный твой визит.

Ты оттуда, где лазурь бездонна,
Где растут высокие цветы...
Может, ты зовешь меня из дома
Или просто заблудилась ты?»

■

У меня в плетеную корзину
Земляники с верхом набралось...
Я искала город стрекозиный —
Радостный и солнечный насквозь.
А тропа передо мной бежала,
Круто поворачивала вбок,
Словно я за ниточку держала
Впереди катящийся клубок.
Я покинула уют домашний
И за сказкой шла на край земли.
И касались ног моих ромашки,
И гудели надо мной шмели.
Но ушла я от ромашек белых,
Все равно их все не соберешь.
И тропинка привела на берег
И свернула в голубую рожь.
И была легка моя корзина,
И неплохо шли мои дела,
Потому что в город стрекозиный
Тропка неприметная вела.

БОГАТСТВО

Мы встаем с зарею рано утром.
И, покинув теплые постели,
Боровки раскапываем, будто
В этом поле кем-то клад потерял.

Клад, конечно, выдумка.

Ну, просто

Собираем мы картофель крупный.
И лежит перед глазами россыпь —
Белые и розовые клубни.

Мы не видим, как пылают клены,
Как в стогах душистых травы гаснут.
Кажется, склонились мы в поклонах
Над землей, отдавшей нам богатство.

Взяли в плен косматые деревья
Маленькую волжскую деревню.
На опушке тихий бабкин дом,
Срубленный из бревен топором.
Что в лесу он видел?
Что он слышал?
Пчелы у него жужжат под крышей.
Петухи резные стали старыми...
Мы приемник в горнице поставили.
Даже лес
Шумит теперь по-повому,
Музыкой Чайковского взволнованный...
Выхожу из дома на крыльцо,
Дышит мне черемуха в лицо.
Я стою,
Гляжу в лесную чащу:
Может быть, на озере блестящем,
На волшебном, скрытом от людей,
Я увижу стаю лебедей?

Я радуюсь, как за свою судьбу,
За бабкину лесную деревеньку.
В ней строит кто-то новую избу:
Резной конек, широкие ступеньки...

Здесь много лет не возводили стен
И свадеб много лет не назначали.
А избы так трагически молчали,
Когда их покидали насовсем.

И в этой новой — те же три окна,
Но так светлы обтесанные бревна,
Что показалось — солнышком она
Освещена особенно любовно.

■

Что мне птиц улетающих стая,
На траве пожелтелой роса,
Если я все равно городская,
Я вдали от природы росла.

Петухи меня утром не будят,
Лишь трамваи проходят, звеня.
И живут незнакомые люди
В деревнях, обходясь без меня.

На рассвете выходят из дома,
Оставляя ребят на печи.
И скирдуют солому.

Солома —
Как опавшие с солнца лучи.

Города раздвигают границы.
Но становится грустно порой
Оттого, что пугливые птицы
Улетают на юг
стороной.

СОТИРОВАКА

Ложится пыль поверху загара.
Машина пущена с утра.
Растет, растет в углу амбара
Зерна сыпучая гора.

Но далеко до перерыва,
В руках от непривычки дрожь,
А бригадир кричит надрывно,
А что кричит — не разберешь.

Здесь происходит сортировка.
Течет пшеница. Поспеши!
Здесь происходит тренировка,
Закалка тела и души.

Здесь поминутно пить охота
И не присядешь дотемна.
Здесь отсеваются отходы
От полновесного зерна.

ГЛУХОМАНЬ

Трава отяжелела от росы.
Над тихую деревню светает.
Серебряная молния косы
В густой траве у ног твоих сверкает.

За избами лесная глухомань
И облака в малиновом пожаре.
И в этот край, и в эту птичью рань
Мы столько дней с тобой не приезжали!

Ты помнишь с детства луг, опушку, двор.
Косил вот так же дед твой неученый:
Пока роса, пока на медосбор
Не прилетали яростные пчелы.

Пылали облака над головой,
И солнце выбиралось из деревьев.
И так же пахло скошенной травой
В лесной, пчелиной, крохотной деревне.

Хлеб погуще посолила:
На-ка!
А онадохнула молоком
И ржаной ломоть,
Соленый, лакомый,
Сразу весь слизнула языком.
А наутро —
Чемодан порожний...
Расставанье...
Росная трава...
На дороге кто-то осторожно
Моего коснулся рукава.
Оглянулась, обомлела:
Сзади —
Глаз коровий, лиловат и строг.
То ж она,
Единственная в стаде,
У которой переломлен рог.
С луговин еще прохладой веяло.
Щелкал кнут,
Покрикивал пастух...
Подошла, бодливая,
Поверила
В человеческую доброту.

МНЕ СТРАДА ОСЕННЯЯ ЗАПОМНИТСЯ

Мне страда осенняя запомнится:

Сапоги, увязшие в зерне,

И соломы блеск, и за околицей

Клены, словно факелы, —

в огне.

Я запомню утреннее марево,

И реки похолодевшей дрожь,

И гусей, что любят заговаривать,

Если мимо по воду идешь.

УЧАСТЬЕ

Одичалые елки,
Бесконечность берез.
В стороне от проселка
Алеша замерз.
Скрыт порошею вьюжной
Старый след у крыльца.
Ты осталась без мужа,
А сын без отца.
Все молчишь и молчишь ты,
Слезы стерты со щек...
Твой малыш, твой мальчишка —
Несмышленный еще.
То он бегаёт много,
То смеется во сне.
Как тебе одиноко,
Знают звезды в окне.
Знают елки у дома,
Что лишилась ты сна.
Ты им с детства знакома,
Ты под ними росла.
Знают хвойные ветки
Да пустая кровать...
И приходят соседки
К тебе ночевать.

Улеглись метели,
Сугробы за деревнею.
Чистый снег лишь тенью
Тронут под деревьями.

И стоят березы,
Как будто невесомые.
Ветки их морозом
На небе парисованы.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

Снегами все вокруг запесено.
Ночные тени стынут у дороги.
Отяжелел еловый лес. Темно
В его дремотной и глухой утробе.
Великое нашествие снегов!
Мы, покоряясь тишине, умолкли.
И только слышим скрип своих шагов
И видим месяц на вершине елки.
Вбок не свернешь: провалишься по грудь.
И мы идем укатанной дорогой.
Она лежит в лесу, как Млечный Путь,
Она ведет к далекому порогу...
Мы добрались: в печи алеет жар,
Небрежный кот разлегся на овчине.
А бабушка разводит самовар,
Разламывая тонкие лучины.
В окно мороз скребется со двора.
А бабушка рассказывает строго,
Что нынче от заносов трактора
В деревню к ним расчистили дорогу.
И засидевшись с нами допоздна
(Пока нас медом потчует и чаем),
Все хвалит председателя она,
Все называет ласково: — Хозяин...

■

В этом доме теперь никого не осталось.
Как вода, затопила его тишина.
Придавила к земле одинокая старость
Все четыре его невысоких окна.

Наплывают деревья зеленым массивом
На скрипучие створки забытых ворот.
И лежат на земле перезрелые сливы —
Если нет никого, кто же их соберет.

Только кукла сидит на дровах, за сараем,
Полиняла одежда на ней от дождя.
Только летний сквозняк занавеской
играет,
Самовольно по дому пустому бродя.

Дремлет пес под окном. (А ведь был
неуемный,
Да, наверно, сломила его тишина).
И седая старуха включает приемник,
Чтоб казалось, что в доме она не одна.

КУКУШКА

Так она неизбежно кукует,
Что невольно почудилось мне —
Не кукует она, а тоскует
От деревни лесной в стороне.

Словно между пичужек свистящих
И вершин, что от ветра шуршат,
Заплутав, надрывается в чаще
Одинокая чья-то душа.

Словно в чем-то ошиблась кукушка
И немило ей стало житье.
И качают деревья верхушками —
Осуждают, как видно, ее.

Я лесной тишины не нарушу,
Я пойду, молчалива, строга,
И впервые мне ляжет на душу
Неизбывная бабья тоска.

■

За оврагом березы стыли,
Становилось совсем темно.
Кто виновен был: я ли? ты ли?
Или так оно быть должно?

Электричек пустых мельканье,
Дача — временное жилье.
Осень, сумерки и дыханье
Перехваченное мое.

Помню звезд одиноких строгость
И покинутое крыльцо..
Что ж тебя перестали трогать
Мои волосы и лицо?

Или все для тебя привычно,
Все привычно, как шум колес
Увозившей нас электрички
От обманутого тех берез?

Освещенные витрины в магазине
И на площади вокзальной суета,
Даже звезды, даже вечер этот синий —
Для меня все это — только пустота.

Только ты один мерещишься отныне
Меж троллейбусов, деревьев, этажей.
Ведь в пустыне, в безрадостной пустыне
Невозможно обойтись без миражей.

Ты и умный, ты и смелый, ты и гордый —
Пусть люблю, но не могу тебя прощать...
Как ты смеешь этот город, этот город
В неприютную пустыню превращать?

ПРОСЬБА

Оставь меня в покое, наконец!
Не снись ты мне. Довольно наказаний!
И не гляди горячими глазами —
Большой мальчишка, взрослый
сорванец.

Не приходи из прошлого ко мне,
Не прикасайся к памяти тревожной,
Уйди из сердца тенью осторожной
И навсегда останься в стороне.

Не появляйся на столе моем
Письмом забытым, озорным и нежным,
Не повторится больше вечер снежный,
И не сидеть нам в комнате вдвоем.

Разбит сосульки звонкой леденец,
Растаял снег лебяжий, снег летучий..
Не торжествуй же надо мной,
не мучай —
Оставь меня в покое, наконец!

Здесь различишь еще мои следы,
Прикрытые узорчатою тенью.
Я для тебя придумала сады
С той синей, как у Врубеля, сирепью.

Раздвинулись тяжелые дома.
Я прямо в гроздья распахнула двери.
И красоте поверила сама,
И ты со мной в сады мои поверил.

В них плещется озерная вода
И птицы удивленные ликуют...
Ты так всему поверил, что сюда
Привел однажды женщину другую.

И помутнело зеркало воды,
И ты опять ступил на мостовую.
Я для тебя придумала сады,
Но без меня они не существуют.

ДОЖДЬ

Ветра нет, а небо в тучах,
Дождь на улице опять.
Может быть, под крышей лучше
Непогоду переждать?
Успокоить сердце нечем,
Хмурит брови горизонт.
От дождя в подобный вечер
Не спасет ни плащ, ни зонт.
Но отважно через лужи
Я бегу по мостовой.
Ох, зачем он только нужен,
Этот ливень грозовой!
Так и хлещет, как из лейки,
Барабанит по кустам...
А знакомая скамейка
Сиротлива и пуста.
Нет тебя среди прохожих
И в аллее у берез.
Грустно мне и небу тоже,
Только я грущу без слез.

Между нами не расстояния.
Расстояния что! Пустяки...
Между нами непонимание —
Километры моей тоски.

Тянем руки в сердцах за шапками,
Поступаем себе назло.
Наше счастье такое шаткое —
На него смотреть тяжело.

РЕЧНЫЕ ЛИЛИИ

Совсем в дороге обессилели,
Поникли даже стебельки.
А как свежи
        вы были, лилии,
Растущие со дна реки!

Лежал на венчиках фарфоровых
Вечерний золотистый блеск.
И от реки по обе стороны
Темнел сплошной еловый лес.

Я пробиралась под деревьями,
Держа вас бережно в руке.
А камыши, как стража древняя,
Стояли в Мытнице — реке.

И кто же знал, что вы завянете
На полпути в моих руках
И, упрекая, встанут в памяти
Цветы с зарей на лепестках!

Я гляжу на знакомых
Открытыми настезь глазами.
Открываю доверчиво сердце,
Замирая на миг.
Словно все они стали
Моими большими друзьями —
Я хотела бы
Что-то хорошее
Сделать для них.
Я хотела бы слышать
На улицах радостный говор.
Я хотела бы видеть
Улыбки на лицах людей,
Потому что узнала,
Что ты приезжаешь в наш город.
А наверно, от счастья
Становится сердце добрей.

И вот он грянул, ливень с высоты,
Как наше чувство, сильный
и внезапный,
Взволнованно раскрылись все цветы
И источают небывалый запах.

Дождь отшумел, как лишние слова,
И где-то в тихих водостоках замер.
И только плачет мокрая листва,
Как мы с тобой, счастливыми слезами.

Пройдем мы по бульвару много раз,
Пока на небе звезды не погаснут...
В душе звучит мудрейшая из фраз:
«Остановись, мгновенье, ты прекрасно!»

Я ТЕБЕ БЛАГОДАРНА

Не сулят нам с тобой
Неожиданных встреч
Самолеты в заоблачной выси.
Как узнать,
Сколько дней
Почтальона стеречь?
Сколько раз
Перечитывать письма?
Сколько дней
Телеграммы твоей ожидать,
Мне на это
Никто не ответит.
Но ходить мне теперь —
Словно в небе летать,
Оттого,
что живешь ты на свете.
Пусть пока
Не доехать к тебе, не доплыть
(Поезда с пароходами — мимо),
За одно только счастье —
Безмерно любить —
Я тебе благодарна,
Любимый!

На солнце нагретые здания,
А солнца давно уже нет.
Мы оба пришли с опозданием,
Тянувшимся несколько лет.

И ветки цветущего тополя
Над нами простерты, как дым.
На улице, пухом затопленной,
Давай на скамье посидим.

Посмотрим, как прежде, доверчиво
И радость почувствуем вдруг.
Пусть тени июньского вечера.
Становятся гуще вокруг.

И годы встают обелисками
На месте расплывшихся стен...
Мы в чем-то отчаянно близкие
А в чем-то чужие совсем.

Розовое-розовое что-то:
И не догадаешься сперва,
Что там в стороне от самолета —
Облака, а может, острова.

А на них из розового камня
Выстроены кем-то города...
Я лечу, но кажется пока мне —
Подой мной не воздух, а вода.

Синяя прозрачность океана.
А внизу, видна из-за крыла,
Может, речка, выгнутая странно,
А быть может, нитка серебра.

Что там — лес в игре теней и света
И у ног его

туман седой?

Или, может, водоросли это
Выросли на скалах под водой?

Я лечу, чтоб небо видеть шире,
В острова уверовать опять
И тебя в том фантастичном мире,
В том подводном царстве отыскать.

ПАПИНЫ ПИСЬМА

Шла с фронта полевая почта,
Тепло солдатских рук храня.
Я помню крупный папин почерк
В коротких письмах для меня.

И помню ночь. Длинные минуты.
Как стоны, мамины шаги.
И помню, шла я в школу утром
И знала: папа наш погиб.

И я крепилась еле-еле,
О горе думая своем.
А письма папины в портфеле
Лежали вместе с букварем.

ПОДАРОК

В магазине туфли в три ряда,
Узкие носы на полках с краю.
Я подарок маме выбираю,
А она уже не молода.

И нужна ей обувь, чтоб не жала:
Не следят за модой старики.
Разлюбила мама каблуки,
Да и не привыкла к ним, пожалуй.

Молодость была ли? Седина
Да морщинок маминых усталость...
Но навечно в памяти осталась
Та послевоенная весна.

Поезда вернулись из Германии,
А отец наш в братской спал могиле.
Туфли, предназначенные маме,
Покупали женщины другие.

А сегодня мамин день рождения,
Мне б печаль стереть с ее лица.
Я скажу: «Вот туфли... ты надень их,
От меня они и... от отца».

Сады стояли с перезрелой вишней,
В пустынных переулках городка,
Когда из балки к палисаду вышел
Казачий конь. Один. Без седока.

Седло сползло. Насторожилось ухо.
Он шел к колодцу — мучила жара.
Коня в окно увидела старуха,
Всплеснув руками, вышла со двора.

Пылал пожар над городом багрово:
Как сноп, вокзал подорванный горел...
Здесь знали все: за скрытую корову,
За лошадь утаенную — расстрел!

А в переулке было тихо-тихо.
Не углядела даже ребятня,
Куда сховала бабка Воробьяха
Спасенного от врага коня.

ТРЕВОГА

Кварталы в развалинах дымных,
Четвертый за сутки налет.
Тогда от бомбежек

из Крыма

С детьми уходил пароход.
Толпились мы в белых панамах
На том ненадежном борту.
Остались на пристани мамы,
И выла сирена в порту.
То было военное лето,
То детские годы мои...
Но вот раскрываю газету —
И снова: бомбежки, бои.
Ночные тревоги Вьетнама
Плывут надо мной в тишине.
Панама, панамы, панамы
Опять вспоминаются мне.
Не жить мне на свете спокойно,
Не знать безмятежных минут,
Покуда проклятые войны
На нашей планете идут.

И будем мы с тобою на Луне,
Вдали от нашей обжитой планеты,
И привыкать к крошечной тишине,
И вспоминать закаты и рассветы.

Мы спустимся по треснутым камням
В пустые, пересохшие лоцилки.
И будут зябко прилипать к ступням
Дрожащие от холода песчинки.

И мы рассудим, что очаг и дом
Для нас с тобою на Луне не лишни.
И возле скал разрушенных найдем
Случайно уцелевшее жилище.

В нем жили старцы, мудры и добры,
С седыми, словно пепел, волосами.
Они из света выткали ковры
И даже книги о Земле писали.

Мы различим за мелочью любой
Их строгие, задумчивые лица.
И будет наша грешная любовь
Живым огнем на лунном диске биться.

■

Твердо верю в дороги синие,
Хоть они на ухабах дней
Перепутались, словно линии
На худой ладони моей.

Будет трудно мне — не ослабну я,
Будет тяжело — не упаду.
Твердо верю: дорога главная
Та,
    которой сейчас иду.

И опять, опять простор великий,
На лугах весенние цветы...
Есть во мне хоть малая толика
От твоей, Россия, красоты?

Или все волненья и тревоги
У меня

лишь о себе одной,

И напрасно щедрые дороги
Расстилала ты передо мной,

На хлебах своих меня растила
И дарила по утрам зарю?
Я стою перед тобой, Россия,
Как на исповеди, говорю:

Если для себя желаю славы,
Если завелась во мне корысть,
Ты лиши меня святого права —
О тебе, Россия, говорить.

НА АУКЦИОНЕ

Помнишь, продавали лошадей?
Иностранцам. На аукционе.
Черные, гнедые — всех мастей
Гарцевали холеные кони.

И к себе оборотила лица,
Разомкнула торгашей уста
Рыжая степная кобылица
С белым шелком гривы и хвоста.

Восхищење вырвалось, как стон...
Наши степи словно обобрали:
Выложили доллары на стол,
А зарю и ковыли — забрали.

Разгадана, развенчана она.
Голубоватый свет ее — не тайна.
Теперь никто не скажет: «Ах, луна!»
Ведь это было б сверхсентиментально.

Но Млечный Путь, как снежная метель,
Глядит в окно, холодный и петленный.
Но луч звезды упал в мою постель,
И нет мечте предела, как вселенной.

■

Я улетаю в Кукобой одна,
К дремучим елкам — далеко на север.
К речонкам то лазоревым, то серым.
В суровый край, где стынет тишина.

Я улетаю. Местный самолет
Наполнен весь рокочущим гуденьем.
Подрагивают жесткие сиденья,
И крылья, и в наушниках пилот.

Я не грустить не в силах без тебя,
Разглядывая сумрачную чащу.
Себе кажусь я облаком летящим
С серебряными нитями дождя.

Как прежде, я тянусь к лесной глуши,
К задумчивости троп ее и просек.
А подо мной непуганые лоси
И зелень свежевывросших вершин...

Мне ниспошлет премудрость

тишина

И объяснят нетронутые травы —
В чем правы мы с тобой, а в чем не правы...
Я улетаю в Кукобой одна.

РОДИНА

Я ушла подальше от вокзалов
В сиппе заволжские края,
Я тебя до этого не знала —
Ты прости мне, Родина моя!

Не видала этих изб высоких,
Что в деревне строят на года.
Над рекой, заросшею осокой,
Прежде не сидела никогда.

С женщиной, идущей с сенокоса,
Сверстницей, встающей до зари,
Откровенно и по-бабы просто
Прежде не случалось говорить.

Словно под лоскутным одеялом,
Под цветами луговины те...
Если б знать, как много я теряла
В городской трамвайной суете!

Позабыты мелочные споры.
Я гляжу, дышашье затая:
Здравствуйте, зеленые просторы,
Родина глубинная моя!

СО Д Е Р Ж А Н И Е

«Я из провинции далекой...»	5
Бабка	6
Областные города	7
«Слава богу, что есть поезда...»	8
«Если правда, что на расстоянье...»	9
Детство	11
Глубинный лов	12
Пропуск в море	13
«Вот зеленою краской забор поднови...»	14
«Быть словпо море...»	15
Краб	16
Чабаны	17
«Я прятала портфель под камень...»	18
Рыжий вор	19
«Лишь пожелай — и мы с тобой уедем...»	20
Стрекоза...	21
«У меня в плетеную корзину...»	22
Богатство	23
«Взяли в плен косматые деревья...»	24
«Я радуюсь, как за свою судьбу...»	25
«Что мне птиц улетающих стая...»	26
Сортировка	27
Глухомань	28
«Хлеб погуще посолила...»	29
«Умирают зимние березы...»	30
Мне страда осепняя запомнится	31
Участье	32
«Улеглись метели...»	33
Другу	34
Зимняя дорога	35
«В этом доме теперь никого не осталось...»	36
Кукушка	37
«За оврагом березы стыли...»	38
«Освещенные витрины в магазине...»	39
Просьба	40

«Здесь различишь еще мои следы...» . . .	41
Дождь	42
«Как ночь без звезд, приходит равно- душие...»	43
«Между нами не расстояния»	44
Речные лилии	45
«Я гляжу на знакомых...»	46
«И вот он грянул, ливень с высоты...» . . .	47
Я тебе благодарна	48
«На солнце нагретые здания...»	49
«Розовое-розовое что-то...»	50
Папины письма	51
Подарок	52
«Сады стояли с перезрелой вишней...» . .	53
Тревога	54
«И будем мы с тобою на Луне...»	55
«Твердо верю в дороги сипие...»	56
«И опять, опять простор великий...» . . .	57
На аукционе	58
«Разгадана, развенчана она»	59
«Я улетаю в Кукобой одна...»	60
«Все лес да лес — куда ни глянешь...» . .	61
Родина	62

Эмма Васильевна Марченко

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

Редактор *П. Голосов*
 Художественный редактор *Д. Поздняков*
 Художник *В. Орлов*
 Технический редактор *В. Ходинова*
 Корректоры *О. Узикова* и *С. Петренко*

Сдано в набор 2 октября 1967 г. Подписано к печати
 11 января 1968 г. АК 06008. Формат бумаги 70×108^{1/32}.
 Бумага типографская № 2. Физ. печ. л. 2. Усл. печ.
 л. 2,8. Уч.-изд. л. 1,58. Тираж 5000. Заказ 567.
 Цена 16 коп.

Верхне-Волжское книжное издательство Комитета
 по печати при Совете Министров РСФСР.
 Ярославль, ул. Трефолева, 12.

Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома
 Комитета по печати при Совете Министров СССР.
 Ярославль, ул. Свободы, 97.